

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Малые города Псковской земли в Смутное время. Псков: Псковская областная типография, 2014. 253 с.

Книга Я. Н. Рабиновича представляет собой три очерка, посвященных истории псковских пригородов Гдова, Изборска, Псково-Печерского монастыря и новгородского пригорода Порхов в начале XVII в. История этих территорий неоднократно рассматривалась в работах историков и краеведов, в том числе в отдельных изданиях, основанных на значительном количестве источников, например, в книге Е. Е. Лебедева о Порхове. Кроме того, в 2012 г. Я. Н. Рабинович выступил в качестве составителя книги Г. А. Замятина «К Российскому царствию пристоят. Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами в 1613–1614 гг.», где два очерка посвящены Гдову и Порхову.

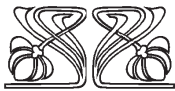
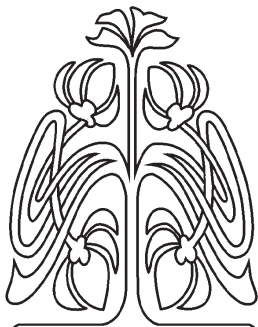
Содержание «Смутного времени» на Северо-Западе России обладало существенными особенностями, вызванными тем, что до августа 1608 г., когда на территории Псковской земли появились отряды тушинского воеводы Плещеева, значительных социальных конфликтов в Пскове и его пригородах не было. Даже появление в Пскове плененных повстанцев Болотникова в 1607 г. не вызвало осложнений. Период пребывания Псковской земли под властью тушинцев завершился в 1611 г., почти совпав по времени с началом шведской оккупации Новгородской земли, и собственно с этого времени начинается изложение монографии Я. Н. Рабиновича.

Второй период «Смутного времени», как известно, характеризовался постепенным ослаблением социального протеста и смещением основных линий конфликта в плоскость противостояния иностранной интервенции. И если в центре России разворачивалась борьба ополчений с польскими интервентами за Москву, то на Северо-Западе опорным пунктом борьбы, как со шведскими войсками, так и в меньшей степени с польско-литовскими, стал Псков. Коль скоро центром шведской оккупации оказался Новгород, то пригороды, находившиеся на периферии этих земель, неизбежно стали объектами борьбы за них. И если по истории Новгорода и Пскова в начале XVII в. написаны фундированные труды, то история малых городов проходила в них как бы фоном, что не всегда справедливо. Книга Я. Н. Рабиновича, таким образом, закрывает существенную лауну в изложении истории Смуты на Северо-Западе.

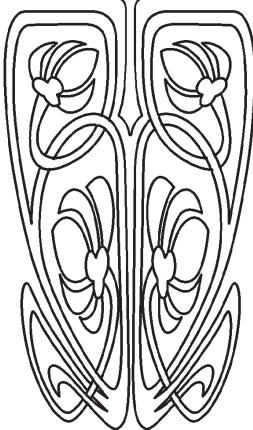
Более того, благодаря поддержке коллег по цеху автору удалось существенно продвинуться в изучении проблемы, используя неопубликованные источники из Стокгольмского архива и РГАДА. Именно благодаря этим документам оказалось возможным уточнить многие детали военно-политического противостояния за города Северо-Запада. Так, автор вдумчиво и кропотливо изучил перипетии борьбы за Гдов в 1613–1614 гг., показав на основе многих источников, каковы были материальные основы пребывания гарнизона в этой крепости, как реагировали на захват Гдова местные помещики, как складывалась судьба этого пригорода накануне и после заключения Столбовского мира.

Столь же серьезные подвижки осуществлены автором в изучении истории Порхова в годы Смуты. На основании документов Стокгольмского архива показан состав местных землевладельцев, раскрыты особенности повинностей, которые должно было нести местное население в пользу шведов, сделаны аргументированные предположения о лицах, участвовавших в подготовке восстания в Порхове.

Следует отметить, что автору не удалось существенно расширить источниковую базу по истории пригорода Изборск, который после постройки монастырской крепости в 1558–1565 гг. оказался в упадке как административный и оборонительный центр. Но авторские изыскания по истории Псково-Печерского монастыря в эпоху Смуты представляют

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

значительный интерес и позволяют пересмотреть многие устоявшиеся представления.

В то же время книга Я. Н. Рабиновича вызвала к рассмотрению целый ряд проблем, которые нуждаются в обсуждении. В исторической науке еще с конца XIX в. сформировался комплекс академических стандартов в изучении проблем и написании монографий, выработанных такими классиками, как В. О. Ключевский, Н. П. Лихачев, А. С. Лаппо-Данилевский, П. Н. Милюков. Эти стандарты предполагают бережное и уважительное отношение к трудам предшественников, предполагающее обязательные сноски на их тексты, если по обсуждаемому вопросу уже были высказаны аргументированные суждения, учет новейших достижений источниковедения, воздержание от необоснованных предположений, четкое структурирование материала и обязательная теоретическая работа по его осмыслению. И вот здесь необходимо признать, что рецензируемая книга не всегда соответствует вышеизложенным параметрам научного дискурса.

Конкретизируем свои соображения. Во-первых, книга Я. Н. Рабиновича сильнее всего образом зависит от предшествующей историографии, в первую очередь от трудов Г. А. Замятина. Однако будучи издателем одной из рукописей Замятина автор либо не всегда объективно передает суть суждений своего предшественника, либо вступает с ним в беспочвенные споры. Так, например, он приводит суждение Замятина о том, что главная роль в освобождении Гдова принадлежала отряду из Пскова («последнее будет вернее») (с. 53). Однако в другом ранее изданном тексте Замятина дана несколько иная трактовка этого события, которое, по мнению Замятина, произошло «при активном участии псковичей в отпадении Гдова» (*Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII в. СПб., 2008. С. 285).

Поскольку эти рукописи Замятина издавались после кончины автора, нужно принимать во внимание факт незавершенности его работ и крайне внимательно относиться к предлагавшимся им трактовкам. Г. А. Замятин проницательно указывал на малейшие нюансы в ходе борьбы России за свои северо-западные города. Так, говоря о причинах неудачи русских в борьбе за Порхов, Замятин писал и о неверной тактике воеводы Крюкова, и о бдительности шведского воеводы Коробелла. Я. Н. Рабинович же посвящает абзац спору с Замятиным, хотя соглашается с ним во втором утверждении (с. 134). Спрашивается, в чем смысл этого спора с давно почившим ученым, без трудов которого изучение Смуты на Северо-Западе России на современном уровне было бы невозможным?

Во-вторых, совершенно неудовлетворительными являются методы работы автора с источниками. Так, справедливо указывая со ссылкой на суждение А. Н. Насонова, что издатель Псковской первой летописи в 1837 г. допустил контаминацию списков и издал сводный текст, Я. Н. Рабинович упорно на

протяжении всей книги ссылается именно на устаревшее издание 1837 г. (с. 50, 107, 159 и т. д.), хотя в распоряжении исследователей имеется современное издание А. Н. Насонова. Порой это приводит к курьезным выводам: цитируя, видимо, по изданию 1837 г. текст Псковской летописи, где сказано: «и придоша псковичи, взяша Гдов», автор говорит о невозможности опираться на летопись по причине некачественной работы издателя, упуская из виду, что в издании Насонова, где дан текст Псковской первой летописи без контаминаций, имеется ровно такая же фраза. Дело, видимо, не в некачественной работе издателя, а в особенностях летописей как исторического источника.

В-третьих, автор исходит из предзаданной идеи о том, что захват Гдова русскими войсками в 1613 г. произошел в результате восстания. Для доказательств этого предположения автор приводит ряд аргументов, либо неподкрепленных сведениями источников, либо неубедительных логически. Так, автор говорит со ссылкой на С. Ф. Платонова, что «военное» население Гдова обладало «военной организацией» (с. 36). Что здесь имеется в виду? Если военная организация псковских стрелецких сотен, проходивших очередную службу в Гдове, то она не имела отношения к местному населению. Не являлась отдельной военной организацией и группа местных помещиков, да и само выражение «гдовские помещики» весьма приблизительно отражает суть явления. Общеизвестно, что «служилый город» – корпоративная организация местных помещиков – охватывал всю Псковскую землю. Условно «гдовскими» можно признать не более двух десятков помещиков (с. 36), чьи основные владения находились в погостах Гдовского уезда и чей оклад был записан в писцовых книгах именно по Гдовскому уезду.

Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что военная организация собственно местного населения в Гдове не существовала, а значит и организовать «восстание» она не могла. Подтверждением решающей роли псковских служилых людей и стрельцов в захвате Гдова является приведенный автором список награжденных «за гдовскую службу», среди которых один помещик из Малоярославца, стрелецкие сотники из Пскова и Порхова и 13 псковских помещиков (с. 60). Как видно, правительство не считало участие гдовлян решающим в деле захвата и последующего удержания Гдова.

В-четвертых, не всегда точной является применяемая автором лексика: например, неоднократно в тексте книги упомянуты «москвичи» – в значении отряда всадников под Гдовом, и в значении правительства Михаила Романова (с. 70, 170). Если в первом случае автор, видимо, неудачно повторил донесение коменданта С. Банера о «москвитях», то во втором случае такое словоупотребление вызывает только недоумение: даже противниками правительства Романова воспринималось как общерусское, а не московское.

В-пятых, рецензируемая книга насыщена многочисленными повторами, которые существенно увеличивают объем текста, но препятствуют его восприятию. Повторы касаются и статуса Дерпта в начале XVII в., «принадлежавшего Речи Посполитой, но проводившего относительно самостоятельную политику» (с. 163, 172), и роли порховского дворцового приказчика Помещикова в подготовке восстания (с. 129, 132), неоднократно повторен фрагмент о нахождении неопубликованной рукописи Замятина в Отделе рукописей РГБ (с. 11, 91).

И, наконец, в-шестых, крайнее удивление вызывают нотации, которые читает автор историкам страны, констатируя, что «книга об истории Порхова в Смутное время могла быть написана еще сто лет назад... Однако псковские, новгородские и столичные историки, имея солидную научную базу, подготовленные кадры, библиотеки, историко-филологические факультеты университетов... были заняты другими делами и не сумели реализовать потенциальные возможности» (с. 99). Отметим, во-первых, что раздел объемом 5 печатных листов, написанный автором, тоже не вполне является «книгой». Во-вторых, ровно с таким же успехом можно было бы написать «книгу» об истории десятка других «малых» городов в эпоху Смуты, и далеко не факт, что написание истории Порхова является особо актуальным.

Книга, подобная работе Я. Н. Рабиновича, действительно могла появиться сто лет назад, поскольку сложнейшая теоретическая работа по осмыслению феномена Смуты прошла мимо нее. Поколения историков изучают источники не только с целью реконструкции фактологической основы

проблемы, но и в попытках изучить социально-политические структуры, вызвавшие к жизни разрушительные механизмы Смуты. Казалось бы, автор рецензируемой книги тоже должен задаться этим вопросом: ведь он изучает события в Гдове и Порхове, которые он интерпретирует как «восстания», что является весьма ответственным заявлением. Какова была природа этих восстаний, понимать ли их как эпизоды гражданской войны или классовой борьбы? Какова была роль упомянутых автором местных «миров» (с. 184), можно ли считать их корпоративными структурами, и как происходило их нисхождение в анархию?

На эти вопросы в книге Я. Н. Рабиновича ответов не дано, что и позволяет считать ее классической краеведческой работой, и высказанные замечания отнюдь не снижают ее ценности как таковой.

Книга Я. Н. Рабиновича, вышедшая как серийное издание в издательстве «Псковская областная типография», прекрасно оформлена, снабжена ценными приложениями в виде опубликованных ранее в редких изданиях документов. Уверен, что она окажет существенную помощь в освоении исторического наследия школьниками и студентами и несомненно будет способствовать патристическому воспитанию учащихся.

В. А. Аракчеев,
доктор исторических наук,
заведующий сектором социальной истории
Института истории и археологии УРО РАН,
профессор кафедры истории России Уральского
федерального университета, г. Екатеринбург